

13 января 1896 года «Нижегородские губернские ведомости» сообщили: «В Н. Новгород прибыл известный художник, профессор живописи, Константин Егорович Маковский, изготовляющий для выставки грандиозную картину “Минин”».

Еще одно известие из газеты «Нижегородская почта»: «Павильон художника К.Е. Маковского перенесен на новое место, между павильоном Севера и художественным отделом». Этот факт зафиксировала лишь одна газета. Где павильон стоял первоначально, неизвестно. Также неясно, по какой причине он был перенесен. Пусть этот факт останется как рабочий момент формирования выставки.

И наконец все нижегородские газеты сообщили, что «2 июня открыта выставка картины профессора К.Е. Маковского “Минин”». Перед зрителями предстало огромное живописное полотно, которое первоначально планировалось установить в художественном отделе выставки, но туда оно не вместились, и для него был построен отдельный павильон.

Ему заказывали портреты августейшие особы. Газеты называли его «салонным художником». Он тщательно выписывал жемчуга на одеяниях бесконечных боярынь. Погружал свои модели в мир парчи, атласа, старинных ваз. Он волшебным образом играл светом. Современник вспоминал о нем так: «Константин Маковский держал себя большим баринком, ходил чуть ли не в боярском костюме, выдерживал тон большого, знатного артиста. Зарабатывал большие деньги и умел их проигрывать. Писал в угоду большой буржуазной публике сладкие ложнорусские сцены и бесконечные головки барышень и в конце концов стал типичным поставщиком художественного рынка».

Но все это чуть позже. До этого были ссоры в академии, протест против рутины. Он примкнул к свободной творческой артели, которая

явилась основой Товарищества передвижников. Но писать сцены народной скорби ему быстро надоело.

Он говорил о себе: «Нехвастливо смею надеяться, что останусь в истории России самым красивым художником».

Так все и вышло. Никто не возражал. В его «Автобиографии» есть грустные строки: «Лучшие красавицы наперебой позировали мне. Я зарабатывал громадные деньги и жил с царственной роскошью. Успел написать несметное количество картин. Я не зарыл своего богом данного таланта в землю, но не использовал его в той мере, в какой мог бы. Я слишком любил жизнь, и это мешало всецело отдаться искусству».

Кто знает, сколько в его жизни было потрясений, но одно было — об этом известно точно. Его породила зависть, он увидел то, что сам сделать не мог.

Илья Репин впервые на публике показал своих «Запорожцев», писавших письмо турецкому султану. Какие характеры, как вольно выписаны лица... Картина притягивала. Он тоже думал о подобном, но как найти сюжет картины? Он обратился к историку И. Яворницкому, помогавшему Репину собирать материал для «Запорожцев». Репин, узнав об этом, саркастически замечает: «Вы дайте ему красочную тему. Красочность в живописи для него выше всего. И нужно сказать, что тайну сочетания красок он постиг, как никто из нас. Но дальше этого вы не ищите у него ничего: ни стонов страдальца, ни жгучих болей души, ни воплей отчаяния, ни отважной борьбы за волю с насильниками».

Хотя... Репин почему-то забыл поездку Маковского на Балканы в самый разгар войны за освобождение славянских народов от агрессии турок. Все Товарищество передвижников было убеждено, что помощь Балканам есть «дело чести и добра». Художник Василий Polenov даже участвует в кавалерийских атаках, за что награждается сербским золотым орденом «Таковский крест» и черногорской медалью «За храбрость».

Маковский выставляет полотно «Болгарские мученицы», которое имеет шумный успех на выставках. Война на Балканах нашла отражение у всего Товарищества передвижников. Так что укорять Маковского в отсутствии «жгучих болей» и «воплей отчаяния» было не совсем справедливо.

«Мининская» тема давно витала в мастерских художников. Уже шли с ополчением Минин и Пожарский, написанные художником Михаилом Скотти, взывал Минин к нижегородцам на полотнах Михаила Пескова и Алексея Кившенко, в популярном журнале «Нива» художник Михаил Нестеров признался, что ему было видение Минина и родилась картина. Иван Мартос увековечил народных героев в бронзе и украсил ими и без того Красную площадь. Нижнему был пожалован гранитный «карандаш» — обелиск, этот «копеечный памятник», как считали многие именитые гости города. Но все это было мелко, как показалось Константину Маковскому.

Он тоже думал о Кузьме Минине. Даже писал прошение в Академию художеств о предоставлении зала для работы над картиной. Ему отказали. Он не горевал, собственно, для картины еще ничего не было. Так, наметки, больше напоминающие античные сюжеты, под стать памятнику Мартоса.

Великий Михайло Ломоносов, составивший Екатерине II список тем для картин «из Российской истории знатных приключений» три сюжета посвятил Нижегородскому ополчению, он же подсказал и сюжет картины о Кузьме Минине:

«На нижегородской пристани представить купца-старика на возвышенном месте, указывающего на великую близ себя кучу мешков с деньгами, а другой рукой народ помагающего. Многие, кругом стоя, ему внимают прилежно, иные деньги в чаны высыпают, иные мешки приносят, сыплют серебряные копейки... приносят в одно место разные товары; кладут перед него письменные обязательства. Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению Отечества от разорения».

В 1891 году Константин Егорович Маковский появляется в Нижнем Новгороде. Останавливается он в номерах Блиновского пассажа. В окна комнаты видны волжские причалы. Чуть дальше, у церкви Иоанна Предтечи, шумит нижний базар. Берег Волги – самая оживленная часть города. Здесь всегда суетливо и шумно.

Первый вопрос, который волнует художника: в каком месте Минин обратился со своим призывом к нижегородцам? Однозначного ответа у знатоков истории города он не нашел. Одни ему указывали на место у кремле, где высился Спасо-Преображенский собор. Мол, именно с паперти стоявшей здесь ранее церкви зачитывали грамоту патриарха Гермогена, которую доставили из Троицко-Сергиевского монастыря. Другие – отсылали его в Мининский сад, где стоял обелиск предводителям ополчения, утверждая, что именно это и есть искомое место. Убедительно было и утверждение тех, кто считал, что все происходило у центральной Дмитровской башни, а если точнее, у церкви Дмитрия Солунского. Но это все верхняя часть города.

В пользу нижнего посада называлось место близ церкви Николы «на торгу». Церковь когда-то располагалась на самом берегу. Она хорошо просматривается на гравюре голштинского посла Адама Олеария, видевшего город в те далекие времена.

Константин Егорович Маковский сразу понял, что при таких спорных вариантах в выборе места он свободен. Церкви Николы «на торгу» тогда уже не существовало, зато стоял храм Иоанна Предтечи и шумел вокруг него торговый люд.

Художник мысленно «очистил» съезд, который шел от ворот массивной Никольской башни, от торговых лабазов и первым же наброском на картоне он затвердил место действия. Сохранился этюд «На площади у Ивановского съезда».

Определился и формат картины, которая непременно должна была быть вертикальной, а для этого Ивановский съезд надо было сделать в будущей картине немножко круче.

И надо сказать, что художник почти не ошибся в выборе природы. Нижегородский историк Игорь Александрович Кирьянов долго искал то место, с которого Кузьма Минин мог обратиться к нижегородцам. По свидетельству Симона Азарьина, летописца Троице-Сергиевской лавры, действие происходило в земской избе. По Писцовым книгам историк определил, что изба эта располагалась в 12 сажнях от Никольской церкви по правому берегу речки Почайны, которая ныне заключена в трубу. Место, которое изобразил художник, могло быть густо застроенным, а вот чуть повыше, напротив Скобы, у самого подъема в гору, было посвободнее, там изба и стояла.

Место действия есть. Сюжет? А чем плох сюжет, подсказанный Ломоносовым. Он логичен, что можно придумать лучше? Другое дело, как все это изобразить. Будущая картина «собирала» огромную массу народа. Таких картин он еще не писал.

Искусствоведы насчитали на полотне более сотни хорошо различных действующих лиц. Надо было, не откладывая, искать натурщиков и делать хотя бы предварительные наброски и этюды. Нижний базар – это же кладезь типажей. Почти полмесяца своего пребывания в Нижнем Новгороде Константин Егорович Маковский посвятил поиску будущих персонажей картины. Наверное, интересным было бы повествование о поиске каждого лица грандиозной массовки, но, к сожалению, рядом с художником не было своего летописца. Сохранились лишь отрывочные воспоминания об этом интересном поиске. Так, фигуру площадного подъячего с чернильницей и футляром для гусиных перьев у пояса Маковский писал с пропившегося нижегородского купца Брызгалова. Он увидел его все на том же нижнем базаре и пригласил к себе в гостиничный номер, где быстренько срисовал.

Уехав работать во Францию, Маковский очень нуждался в натурщиках и зазывал к себе всех знакомых художников, появившихся в Париже. Вот как об этом вспоминал московский художник Н. Шестопалов: «Художник Малов повел меня однажды к скульптору Бернштаму, лепившему бюст К. Маковского. Я познакомился с Маковским, и после обмена любезностями он пригласил меня к себе, прося позировать ему для картины «Минин». Я согласился и с любопытством поехал в его мастерскую в сен-жерменском лесу близ Парижа.

...Маковский писал необычайно быстро и мастеровито. Я ему позировал несколько раз на солнце в позе молодого парня, поднимающего ларец для жертвования на войско Минина. Кроме того, с меня был написан еще стоящий человек в толпе...»

Очень помог в работе над картиной нижегородский фотограф и собиратель старины Андрей Осипович Карелин. С уверенностью можно сказать, что все ларцы, кувшины, шкатулки списаны с его коллекции. Об этом же говорят этюды и наброски, привезенные художником из Нижнего Новгорода. Больше того, Константин Егорович заручился обещанием Карелина помочь ему фотографиями нижегородских типов. Карелин с большим желанием вызвался подействовать академическому учителю своего сына Андрея.

Картину Маковский писал в Мезон-Лаффите близ Парижа. Ранее мастерская, которую приобрел Маковский, принадлежала русскому художнику Василию Верещагину. Как сообщали газеты тех лет, это была самая большая студия на земном шаре. Еще одна летняя мастерская находилась в сен-жерменском лесу. Она была необычной. Воспоминания о ней оставил критик Владимир Стасов, бывавший у Верещагина. В «Письмах из чужих краев», опубликованных в газете «Новое время», он писал, что студия состоит «из помоста, сажен 9-10 в диаметре, представляющем в плане полный круг. Тут по окружности проложен рельс, и по нему ходит довольно объемистая будка, защищающая от лучей солнца и ветра; там помещаются модели, разные предметы, с которых пишется картина, и, на небольшом расстоянии, сам художник со своим холстом. Смотря по положению солнца и по надобностям освещения, навес этот может переезжать по своим рельсам, куда надо, а художник – работать от самого утра и до поздней ночи».

Предположительно в Нижнем Новгороде у Маковского произошла еще одна важная встреча. Прямых свидетельств этому факту нет, но, по всей видимости, на квартире Андрея Осиповича Карелина Маковский познакомился с художником Францем Рубо. В какой год произошла эта встреча, неизвестно. Но, вероятно, в один из приездов в Нижний, когда Маковский уже прорабатывал окончательную композицию картины на картоне. Встреча с Рубо была как нельзя кстати. Это был мастер панорамных картин, и его совет был просто необходим Маковскому. Он не знал, что делать с воздухом. Его много, он прозрачен и заставляет выписывать в деталях стены кремля, золотую листву осенних деревьев. Все это будет отвлекать...

Художник Франц Рубо подсказывает выход – подпустить пыльцы. Она скроет детали. И ведь скрыла...

На «Минина» ушло пять лет. Заканчивал Маковский картину в Санкт-Петербурге. Она как раз поспевала к открытию в Нижнем Новгороде Всероссийской промышленно-художественной выставки.

Ввиду громоздких размеров картина в общую выставочную экспозицию не вошла. Для нее был выстроен специальный павильон. На ярмарку спешат репортеры, в их ряду и Алексей Пешков. Он пишет для «Нижегородского листка»: «“Минин” Маковского... Видишь, что это именно нижегородский народ: весь Нижний встал на ноги и рычит и мечется с силой ужасной, готовит все ломить с плеча».

Репортер «Нивы» сообщает: «На всех выставках масса посетителей прежде всего направляется в художественный отдел, как наиболее достойный ее понимания, наиболее разнообразный и волнующий чувства».

К художественному отделу нижегородской выставки должно еще причислить картину К.Е. Маковского: “Минин, говорящий свою патриотическую речь”. Она помещена в особом павильоне, удивительно изящной архитектуры; остряки говорят, что белый медведь, изображенный в позе отчаяния, оттого столь безнадежно ревет, что перед ним поставили такой уродливый павильон.

Картина тоже мне не понравилась: мутный колорит, отсутствие движения. И потом все те же женские и детские головки, что мы уже столько раз видели на других картинах маститого художника».

Но Горький парирует: «...Хороша картина! Быть может, она несколько тускла – в ней мало солнца, мало блеска... Не горит все это золото, серебро, ткани, главы церкви. Небо покрыто белыми легкими хлопьями облаков, между ними всюду синева... Зато жизни много».

Жизнь в картине не волновала художника Михаила Нестерова: «При огромных размерах все мелко, ничтожно, даже бархаты и ткани на этот раз плохи».

После выставки судьба полотна до января 1908 года оставалась неопределенной, сам художник в одном из интервью, когда его спросили о будущем картины, сказал, что свернет ее в трубочку и пусть стоит.

По высочайшему разрешению Министерство императорского двора приобрело полотно, «ввиду предположения пожертвовать картину от Высочайшего имени городу Нижнему Новгороду».

И вот «Нижегородская земская газета» сообщила: «4 февраля (1908 года. – *Авт.*) депутация от Нижнего Новгорода... представлялась Государю Императору для выражения верноподданических

чувств по случаю пожалования Его Величеством городу Нижнему картины Маковского “Минин”». В состав депутации входили губернатор М.Н. Шрамченко, городской голова А.М. Меморский и гласные думы А.В. Баулин, А.А. Савельев, Н.А. Бугров и Я.Е. Башкиров.

В адресе, который они преподнесли государю, говорилось: «...Пожалование городу картины “Минин” художника К. Маковского всегда будет согревать в нижегородцах те чувства, которыми руководился наш бессмертный соотечественник в своих подвигах на спасение русской национальной независимости от иноземного господства... и Державы Русской от разделения и разложения».

Дальше события развивались своим чередом. Как только потеплело, картину отправили адресату – Нижнему Новгороду. «Нижегородский листок» об этом тут же проинформировал горожан: «12 мая по железной дороге из Петербурга через контору Российского транспортного Общества доставлена в Нижний Новгород картина К.Е. Маковского “Воззвание Минина” – Высочайший подарок нижегородцам.

13 числа на вокзал для принятия картины были командированы от городской управы М. Урлашов и от губернатора чиновник особых поручений А. Мельников».

На последней фигуре надо остановиться особо. Андрей Павлович Мельников был сыном писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского. От отца он унаследовал должность и краеведческий интерес. Андрей Павлович учился в Петербургской академии художеств, был не только знаком, но и дружен со многими художниками. К сожалению, живописание у него не пошло, и он переключился на краеведение. Губернатор Баранов просил его: «Кисть у вас нейдет, Андрей Павлович, так вы послужите мне пером».

Но пером он послужил не только губернатору, но и нам. Перелистывая старые газеты, невольно отыскиваешь странный буквенный псевдоним «.....Ъ». Так он подписывал свои корреспонденции. Ему не надо было пробиваться через толпу зевак или выпытывать тайны «нижегородского двора». Его к ним свободно пропускали в соответствии с должностью. Вот и на этот раз он встречал доставленную картину на вокзале как в роли чиновника, так и репортера.

«Картина доставлена свернутой и намотанной на вал, упакованной в ящик длиной в 15 аршин; в другом таком же ящике доставлена рама в разобранном виде. Ящик с картиной, по длине не помещавшийся ни в один вагон, следовал от С.-Петербурга до Нижнего на отдельной платформе, закрытой брезентами.

На вокзале в присутствии члена управы, чиновника особых поручений, железнодорожного начальства во главе с начальником станции г. Казанским и полиции, ящик был вскрыт, упаковка картины оказалась в порядке. Ящик был снова заколочен и в сопровождении чинов полиции на руках 16 рабочими был перенесен на паровозную пристань, где и погружен на паровую баржу “Окарь”.

Ввиду громадной ценности погруженной клади, в видах полной ее сохранности, на баржу в этот рейс, по соглашению с администрацией Общества легкого пароходства, никто, кроме сопровождающих картину, не был допущен. По прибытии баржи на городскую сторону, картина была бережно поднята и опять на руках, в сопровождении чинов полиции, доставлена в здание городской управы».

Здесь ее и развернули. Андрей Павлович Мельников получил возможность рассмотреть картину в подробностях и поделиться своими

впечатлениями с читателями «Нижегородского листка». Он сразу назвал картину «фейерверочной». Мельников хорошо знал отношение искусствоведов (которые тогда назывались историками русского искусства) к историчности в творчестве Константина Маковского и приводит слова господина Новицкого, что действующие лица картин порой одеты в древние костюмы, которые «подходят к данной минуте, а предметы древнерусской обстановки сплошь и рядом стоящие не на своих местах».

А дальше читатели «Нижегородского листка» познакомились с конкретными замечаниями, о которых и сегодня любопытно узнать:

1. «Минин на картине изображен стоящим на опрокинутой бочке, тогда как забираться на бочку было ему незачем — в двух шагах находилось возвышенное место — паперть Никольской церкви, с которой, как полагают, он и обратился к народу».

2. «Минин на картине изображен говорящим к народу и энергичным движением руки указывающим на кремлевские стены, но рядом с ним у бочки стоит какой-то священник и тоже читает народу грамоту. Выходит как-то странно: оба и Минин, и священник, говорят в один голос и немудрено, что их никто не слушает».

3. «Минин изображен слишком серым мужиком, тогда как это был почетный обыватель города и по тогдашним временам крупный капиталист, может быть, что-нибудь вроде теперешнего Бугрова».

4. «Одет Минин почему-то в овчинный полушубок, при обстановке совершенно летнего солнечного ясного и даже как будто знойного дня (в день воззвания Минина приблизительно 26-27 августа)».

И все-таки, несмотря на замечания, Андрей Павлович Мельников подвел следующий итог: «... Картина «Воззвание Минина» должна быть отнесена к числу самых лучших произведений Маковского, а по размерам едва ли не самая большая картина его кисти».

Так Нижний Новгород получил еще один памятник русской истории, которая зарождалась набатным звоном на берегах Волги.

P.S. В самый разгар Великой Отечественной войны, в апреле 1943 года, газета «Правда» сообщала, что в Горьком закончилась реставрация знаменитой картины К.Е. Маковского «Воззвание Минина к нижегородцам»

«...Со дня своего написания она не реставрировалась. За долгие годы картина сильно запылилась, местами на ней появились осыпи красок, порывы холста.

Горьковский обком ВКП(б) и областной отдел искусств, несмотря на трудности военного времени, решили произвести срочную реставрацию картины. Был вызван опытный московский реставратор С.С. Чураков, который и произвел эту сложную и искусную работу».

Надо уточнить, что Сергей Сергеевич Чураков работал не один, ему помогала сестра Екатерина Сергеевна, тоже опытный реставратор.

Когда полотно готовили к перевозке на Всероссийскую выставку из С.-Петербурга в Нижний Новгород, перед тем, как свернуть в рулон, пересыпали специальным порошком, но, видимо, служитель, которому было это поручено, отнесся к делу халатно. Красочный слой не очень плотно лег на холст, что и привело к осыпям. Эти участки картины реставраторы тщательно восстановили. Сразу же после реставрации картина была открыта для всеобщего обозрения. Прежде чем отправляться на фронт, солдаты сформированных в Горьком воинских частей подожду стояли у картины, слушая пояснения экскурсоводов.

P.S.S. В августе 1957 года газета «Горьковский рабочий» выдала сенсацию: «Недавно в Горьковском государственном фотоархиве найдена фототипия “Константин Маковский за работой над картиной “Воззвание Минина”».

К.Е. Маковский изображен у своей почти законченной картины. Фотография сделана так, что художник как бы сливается с персонажами картины, с предметами, изображенными на ней. Можно предположить, что фотография сделана в Н. Новгороде во время приезда сюда К.Е. Маковского в июне 1891 года известным нижегородским фотографом-художником Карелиным, которого Маковский хорошо знал, так как много раз бывал в его историко-бытовом музее».

На основе этой газетной публикации можно было бы затвердить дату находки якобы неизвестной доселе фотографии Карелина, если бы она не была... опубликована двадцатью годами раньше в газете «Горьковская коммуна» как иллюстрация к заметке «Воззвание Минина». А в ней сообщалось: «Приехав летом 1896 года в Нижний Новгород, он (художник Константин Маковский. – *Авт.*) с увлечением рассказывал в семье Карелина о задуманной работе».

Вот вам и занимательное краеведение. Так когда же был сделан снимок Маковского за работой над картиной и кем, если сейчас считается, что фотография сделана Максимом Петровичем Дмитриевым?

Понятно, что в 1957 году архивисты обнаружили давно известную фотографию, которую они сами же заложили в дальние углы своих запасников. Стеклопластикового негатива в архивных собраниях ни Карелина, ни Дмитриева не найдено.

Фотография не могла быть сделана в 1891 году. Мы уже знаем, что Константин Егорович Маковский в тот год только приступал к воплощению давнего замысла и приехал в Нижний Новгород, чтобы познакомиться с местами, связанными с Мининым. А в 1896 году он мог прийти к своему давнему приятелю Карелину с тем, чтобы пригласить его посмотреть уже готовое полотно и помочь разместить его в павильоне. Так что фотография сделана определенно в 1896 году. Тогда где и кем?

Ну, где – понятно: на Всероссийской художественно-промышленной выставке, в павильоне, который специально построили Константину Маковскому под его картину. Мог ли фотографию сделать Карелин? Мог, он в это время снимал под заказ павильоны выставки. Но скорее всего, художника запечатлел Максим Петрович Дмитриев, быть может, и по просьбе своего учителя Андрея Осиповича Карелина. Откуда такая уверенность, если нет конкретных доказательств?

Конкретных нет, но есть одно, косвенное – существует портрет художника Константина Егоровича Маковского, выполненный Максимом Дмитриевым в студии. И фотография с картиной, и портрет, сделаны в один день – это очевидно.

Вот, кажется, и разружили мы возникшую ситуацию в «занимательном краеведении».